

20625
И. ШПИЦБЕРГ

АТЗИСТ

Принимается подписка на ежемесячный журнал-
сборник научных материалов

„АТЕИСТ“

ЕГО ОТДЕЛЫ:

1) **Религиозно-исторический и культурно-исторический** — статьи по вопросам истории религии и культуры как в нашем, т.-е. **материалистическом** освещении, так и в освещении идеологически чуждых нам, но дающих обширный **фактический** материал исследователей, **особенно иностранных**, поскольку этот материал может быть использован в интересах воинствующего атеизма.

2) **Церковь и государство.** Отдел посвящен разоблачению контрреволюционной и шантажной деятельности церковников какого бы то ни было культа.

3) **История атеизма.**

4) **Хроника** антирелигиозного движения у нас и за рубежом.

5) **Библиографический** — сведения и отзывы о книгах и статьях в области религии и ее критики, выходящих у нас и за рубежом.

Редакционный совет: *Н. Румянцев, В. Шишаков, Е. Грекулов, И. Вороницын, проф. С. Г. Лозинский, проф. С. А. Каменев, проф. В. Т. Дитякин, И. Шпицберг* (отв. редактор.)

ПОДПИСКА С ПЕРЕСЫЛКОЙ ПО ПОЧТЕ:

На 1929 год на 12 месяцев 7 р. 50 к.

„ 6 „ 4 „ — „

Отдельный номер — „ 75 „

Журнал „Атеист“ за 1925-26 гг. распродан.

Комплект журнала за 1927 г. (№№ 15—23) 5 „ — „

„ „ „ 1928 г. (№№ 23—35) 7 „ — „

МОСКВА, Гранатный переулок, дом 1.

Издательство „АТЕИСТ“. Тел. 4-53-12.

И. ШПИЦБЕРГ

СВЯТОЙ ВАСИЛИЙ ГРЯЗНОВ

ЗАЩИТА ПОДМОСКОВНЫХ АКУЛ
ТЕКСТИЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

2009

СССР
1965 г.

Еще святой Иоанн Златоуст, красноречивый стряпчий, сменивший адвокатскую тогу на шелковые волны монашеской рясы, крупный помещик и видный ханжа 4 столетия—консультировал царям о пользаности инсценировок мощей—в целях затемнения народного рас-судка.

Другой «преподобный святой», Григорий богослов, того же 4 столетия, виднейший охранитель трона константинопольского импе-ратора,—так описывал своему соратнику по оружию,—блаженному Иерониму:

«... Надо побольше небылиц, чтобы... производить впечатле-ние на толпу. Чем меньше (!) толпа понимает, тем больше она вос-хищается. Наши отцы и учителя не всегда говорили то, что думали, а то, что влагали в уста обстояательства и потребности».

Для одурачивания трудового народа—в целях его экономиче-ского и политического угнетения, и Иоанн Златоуст, и Иоанн Богослов, и блаженный Иероним и сотни других, им подобных, оста-вили после себя богатое наследство специальных поповских мисти-фикаторских сценариев, так называемые обедни, литургии, кондаки, тропари, ирмосы и т. п. дела и песни, кои рекомендовалось проде-лывать возле многопудовых золотых и серебряных рак с воображаемы-ми «нетленными» мощами.

Коммерческие и политические расчеты подсказывали помещикам выгодность таких фетишей у больших торговых трактов, ярмарочных мест, возникающих административных центров и т. п.

Наличность фетишей придавала религиозное освящение.

В этих целях московские князья организовали инсценировку культа церковника Сергея Радонежского; император Петр Великий—организовал в С.-Петербурге культ мощей Александра Невского и т. д.

Эти религиозные эффекты должны были отвлекать темные народные массы от «внутренних нестроений», **от классовой борьбы.**

Именно в этих целях Николай II Романов прославил, одни за другими, мощи Феодосия Углицкого, Серафима Саровского, княгини Анны Кашинской, Иосифа Белгородского, Питирима Тамбовского и Иоанна Тобольского.

Именно в этих целях отвлечения народного внимания от вну-тренних нестроений—собравшиеся в Москве в 1917—1918 гг. на По-местный Собор попы, монахи, помещики, купцы, царская бюрократия, профессора богословия—инсценировали—на случай восстано-вления в России монархии,—под водительством т. н. патриарха Ти-хона,—культ астраханского митрополита Иосафа, сражавшегося со-Степью Разинным, с оставлением этих мощей «пока что» под спудом.

Октябрьская революция вскрыла лабораторию инсценировки одного такого культа уже не праведника из светских или расофор-ных помещиков, или идиотиков феодального периода («Василий бла-женный» и т. п.), а **святого праведника—капиталиста**, большого че-ловека от индустриальной промышленности, что является совер-шенно новым образом религиозного обожания.

Эта же Октябрьская революция и помешала дальнейшему продвижению культа такого праведника капиталиста Василия Грязнова, основоположника благополучия подмосковных миллионеров фабрикантов текстильной промышленности Богородского уезда Московской губернии: семейств Лабзиных, Грязновых, Елагиных и т. д.

Василий Грязнов родился в 1816 г., в пяти верстах от Павловского посада, Моск. губ., ранее вотчины Троицко-Сергиевской Лавры.

По утверждениям местных старожил, — он был в молодости разбойник, громила на дороге, что ведет в село Гуслицы (соседнее село) и, к тому же, евнух.

По сведениям местного Отдела Управления, за время разбойничества Грязнова на шоссе им было загублено не мало человеческих жизней.

Ведя разгульную, пьяную жизнь, он одновременно занимался чтением церковной литературы, что создало ему некоторую известность среди местных фабрикантов. Он знакомится с местным королем текстильной промышленности, фабрикантом Яковым Ивановичем Лабзиным.

Вскоре после этого знакомства, Я. И. Лабзин берет себе в жены красивую сестру Грязнова, Акулину Ивановну Грязнову. С этих пор положение Грязнова упрочивается.

Я. И. Лабзин ездил по ярмаркам для закупок сырья и продажи своего товара. Грязнов весь отдался управлению фабрикой.

Торговые дела Я. И. Лабзина все более и более процветают.

— «Уже золото течет рекою», — как описывают наследники состояние торговых дел Лабзина за этот период.

Благодарный Я. И. Лабзин делает Грязнова юридически соучастником своего дела и учреждает торговый дом: «Яков Лабзин и Василий Грязнов». К 1855 году у них состоит уже на службе 1222 рабочих (не считая такого же количества рабочих кустарей, работающих для фирмы на дому. — Указатель 6. Московских выставок русских мануфактурных изделий 1865 г.). По состоянию промышленности того времени, эта фабрика являлась одною из самых больших фабрик России.

На их фабриках **рабочее время фактически равнялось 15—16 час.**

Сохранились подлинные расчетные книжки с рабочими: Осипом Микифоровым, 1865 г., и Ларионом Харитоновым, 1868 г. Их заработок равнялся 5 р. 50 к. — 7 р. 70 к. ежемесячно ¹⁾.

Согласно «общим правилам», припечатанным в этих расчетных книжках и говорившим «об обязанностях и правах хозяина», со ссылкой на закон, — «хозяин обязан обращаться с нанявшимися на его фабрику справедливо и кротко».

«Нанявшиеся в работу фабричные — обоего пола — всякого возраста должны быть верными, послушными и почтительными хозяину и его семье и стараться добрыми поступками и поведением сохранить тишину и согласие»!!!

«За явное неповиновение фабричных и заводских людей владельцу или управляющему фабрикою, оказанное целою артелью или толпою, виновные подвергаются наказаниям, **определяемым за восстание против властей**, — правительством! установленных», и делается ссылка на ст. 1791 уложения о наказаниях самодержавного правительства.

¹⁾ См. дело Народного Комиссариата Юстиции, 1920 г., по отделу культов, об инсценировке культа фабриканта Василия Грязнова, с целью эксплуатации отсталых масс на почве религиозных суеверий.

Кроме этих, общих для всех рабочих того времени, правил, торговый дом Лабзина и Грязнова установил еще **«особые правила»** на фабрике,—для своих рабочих:

а) За опоздание на службу сверх 15 м. после звонка—вычет из жалованья, как за весь день. В случае прогула целого дня—вычет за три дня.

б) В праздничные дни допускается фабричным и мастеровым. изрослым обоего пола, отлучаться с фабрики, но если они помещаются квартирою в самых зданиях оной, то должны возвращаться летом—не позднее десяти, а зимою—не позже восьми часов вечера, под опасением записки с них в сей тетради взыскания в пользу бедных и больных фабричных и рабочих, равняющегося той плате, которая причитается им за целый рабочий день.

в) Несовершеннолетние мальчики и девочки, на фабрике находящиеся и помещенные в зданиях ее, могут в праздничные дни отлучаться с фабрики не иначе, как по дозволительным запискам хозяина или конторы, и должны возвращаться утром не позже времени обеда, а вечером—как летом, так и зимой—не позже 6 часов.

г) Живущие в зданиях фабрики рабочие и мастеровые обоего пола, без дозволения хозяина или конторы, не должны принимать к себе из посторонних знакомых и родных, ни для ночлега, ни на какое время, которое превысит краткость обыкновенного свидания, подвергаясь в противном случае взысканию, равняющемуся той плате, которая причитается им за три рабочих дня.

д) Рабочие и мастеровые обоего пола и всякого возраста **должны** ходить по воскресным и праздничным дням **в церковь**. Виновые в неисполнении сего подвергаются денежному взысканию.

О чем Василий Грязнов, уходя от этого света, мечтал и „на том свете“.

Сохранилось подлинное завещание Вас. Ив. Грязнова, написанное им в 1868 г.

Составлено оно: «Во имя господа всемогущего, во святой троице славимого, отца и сына и святого духа. Аминь».

«Аз многогрешный раб христов, Василий Иванович Грязнов, купец первой гильдии, в здравом уме и твердой памяти, но размышляя о чаше смертном, заблагорассудил учинить сие духовное завещание в следующем: 1) Когда всевышнему творцу угодно будет пресечь дни мои, то завещаю братьям моим, Никифору и Ивану, а также ближайшему моему родственнику, Якову Лабзину, тело мое похоронить по христианскому обряду и делать об упокоении души моей должное поминовение. 2) Прошу всех, знавших меня, друзей и родных, простить во всем, что против них худого сотворил,—словом или делом, ведением или неведением,—ибо и я в душе моей всех прощаю и никакого худого не имею. Относительно же **благоприобретенного** имени моего—я сделаю следующее назначение: так как все имущество мое заключается в торговом доме, открытом, с разрешения начальства, в Павловском посаде, на основании договора, мною с Я. Лабзиным 1/II 1868 г., заключенного и явленного в Москве у нотариуса Гайдукова, под фирмою «Я. Лабзина и В. Грязнова», где я состою товарищем и участником в половине всего движимого и недвижимого имущества и капитала, торговому дому принадле-

дающего,—то из этого имущества три равные части после смерти моей должны принадлежать моим двум братьям и трем племянникам (Анне, Ольге и Наталье Лабзиным), а над остальной четвертою частью, так же равную, я оставляю душеприказчиками братьев моих—и Якова Лабзина, кои могут распорядиться ею по своему усмотрению,—и если они пожелают после смерти продолжать общую торговлю, то должны иметь участие в принадлежавшей мне половине каждый в равной доле».

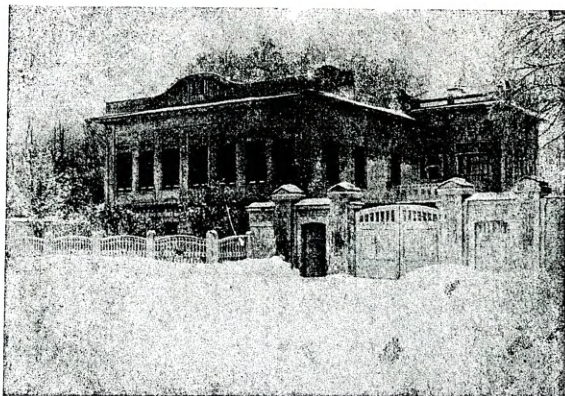
Таким образом, ни один рабочий, ни один бедный человек не был вспомнят наследодателем Грязновым в сознании раскаяния в предсмертные минуты своей эксплуататорской жизни, и все колоссальное имущество перешло в те же семейные угнетательские купеческие руки торгового дома Лабзиных и Грязнова.

Это духовное завещание Московским окружным судом по прошению наследников в 1869 году было утверждено к исполнению «по указу его императорского величества».

Благочестие Грязнова.

Сам Грязнов был активный помощник известного сторонника крепостного права, Московского митрополита Филарета, и исполнял, по его поручению, сыские и жандармские обязанности по придушению как местных раскольников, порвавших с государственною религиею, так и людей, принимавших то или иное участие в революционных движениях—в полном разрыве с какою бы то ни было религиею.

Естественно: — по купеческим традициям, он-же всячески помогал церковникам деньгами, строил церкви, содержал церковные хоры, был церковным старостою

Дворец в Павловском Посаде, в котором проживали фабриканты Лабзины и „святый“ Василий Грязнов.

Будучи активным монархистом, Грязнов в личной жизни своей был ханжа и не редко любил представляться благочестивым старцем, действуя в таком смысле на простых, доверчивых людей, и для обмана суеверных, простых душ построил себе, зади своего дворца, простой деревянный сруб, келью.

Когда кто из рабочих терпел неправду,—он приходил к Грязнову, который обычно утешал так: «терпи, знаешь. Перенеси все. Ни на кого не обижайся. Бог за все вознаградит **впоследствии**».

У Грязнова основными нотами «проповеди» было: необходимость здесь, на земле, терпеть, страдать, не роптать, не возмущаться;

принимать политическое бесправие, экономическое угнетение, нищету, как ниспосланное лебом, божьим промыслом, — а значит, якобы, неизбежно, — в представлении забитого человека.

Зимний сад во дворце Лабзиных и Грязновых

стных ему 11 человек, в обязанность коих входило рекламировать его среди окрестных деревень, как человека, якобы, святой жизни и святых помыслов. Этим 11 человекам Грязнов даже сочинил устав паразитической жизни.

Для каких политических целей капиталисты Лабзины основали в Павловском Посаде монастырь.

Вскоре после смерти Грязнова, Яков Лабзин, — в целях увековечения в населении памяти своего торгового компаньона, — строит в Павловском посаде храм и обращается к светским и духовным властям с ходатайством о разрешении при этом храме создать женскую обитель.

В 1885 г. на имя благочинного Богородского уезда Павла Доброклонского из московской духовной консистории посылается

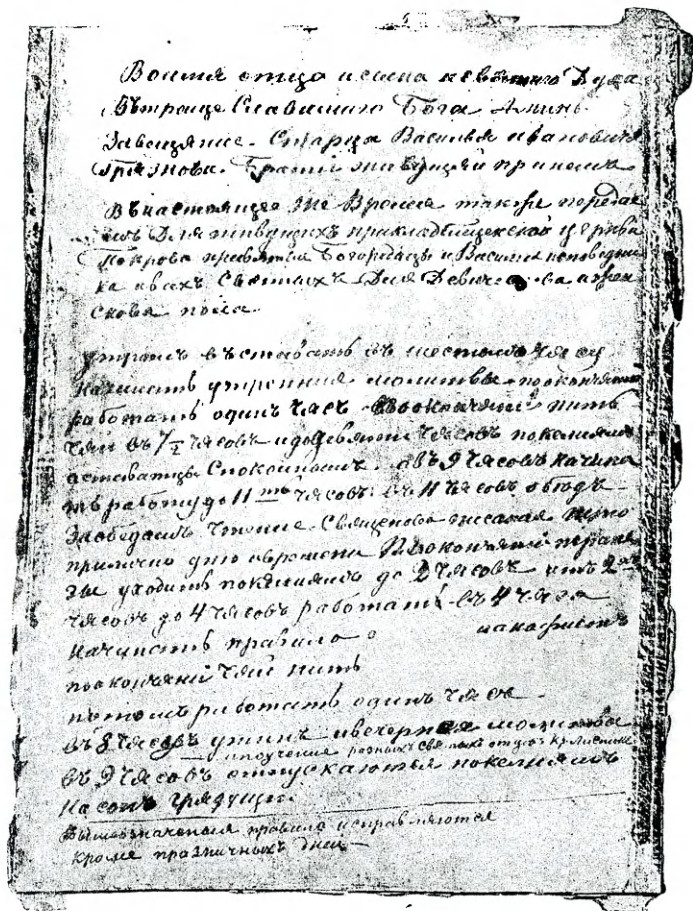

Келия Василия Грязнова, сзиди его дворца, в которой он дурачил крестьян и рабочих образами, крестами, всяческой магией и непротивленческою проповедью.

Посему Грязнов рекомендовал своим рабочим и окрестным крестьянам лишь молиться богу, надеяться и ждать справедливости после смерти, при втором пришествии мессии икупителя.

В. И. Грязнов устроил на территории дворца Лабзиных, за свой счет, — согласно совету и разрешению митрополита Филарета, — общежитие, куда и поместил изве-

для объявления следующий указ: «Яков Лабзин в прошении к его преосвященству прописал, что по смерти жены его с совета ее брата, **благочестивой жизни старца** **Василия Грязнова**, который был его – Лабзина – искренним другом и советником, вознамерился он,

Устав паразитарной жизни мопахов, который составил Василий Грязнов своей поповской свите.

Лабызин, построить храм во имя покрова пресвятыя богородицы, дабы в сем храме неопустительно возносились молитвы к богу об упокоении души усопшей его супруги и всех родных. В 1870 году, уже после смерти Василия Грязнова, вознамерился он, Яков Лабызин, осуществить свой план, приступить к построению храма, и в 1874 году храм был устроен и освящен. Лабызин присвокупил, что имеет он

при себе трех дочерей — Анну, Ольгу и Наталью, — коим желательно в новоустроенном доме поместить на жительство бедных, бесприютных девиц разных сословий с тем, чтобы они, живя здесь, **занимались** рукоделием и **молитвой**; недостаточность же их содержания намерен он, Лабзин, пополнять своими собственными средствами. Потому Яков Лабзин и просит дозволить этим девицам, по примеру женских монастырей, во время церковного богослужения петь на клиросах. Предпослано «Дозволить».

Из обозрения архивного дела за 1884 г. б. правительствующего синода об учреждении данной женской обители видно, что на постройку церкви имени, так наз. святого преподобного Василия Постника и построек при ней Лабзин истратил 210.000 р.

В деле имеются «правила», составленные митрополитом Филаретом, «удобоприменимые» и к данной Покровско-Васильевской общине.

Просветительная программа этой обители: закон божий, священная история, читать по-славянски и по-русски, церковное пение, рукоделие и в летнее время — огородничество. **И все.** — «Наблюдение за учебной частью поручается местному священнику». «После утренних молитв дети должны вычитывать одну главу из евангелия и одну главу из псалтыря с заупокойной молитвой об «упокоении Василия Грязнова», (погребенного под сводами этого собора).

В правилах к этой общине имеются и «основания» этого дела:

1) Житие монашеское должно быть благоустроено на невыблесном основании слова божия, при пособии наставления и примеров святых отцов: ибо только на сем основании здание духовной жизни и спасения воздвигается прочно и благонадежно, а **что строится на песке помыслов и желаний человеческих, то не твердо и угрожает падением великим**.

3) Дающий обет целомудрия должен внимать славу христову: «могий вместити, да вместит» (Матв. 19), и слову апостольскому: «не оженивыйся печется о господних, како угодити господеву» (I кор. 6).

6) О благотворности послушания, о потребности духовного руководства, об опасном пополозновении жить по своей воле, — должно вразумлять себя словом премудрого Соломона: «им же несть управления — падают, аки лиственные; спасение же есть во мнозе совете» (притч. 11, 14).

7) От сих главных начал должны происходить, и к ним быть применимы, все правила и распоряжения, благоустроющие монастырское братство в совокупности и поведение каждого лица и братств, простирающиеся не только на жизнь духовную и нравственную, но и на состояние внешнего благочиния и хозяйства...

Далее идет целая серия указаний, как должно дрессировать взятых в монастырь бездомных пролетарских детей. — путем навыков: гульта, чтения «подвижнических» писем Василия Великого, Иоанна Лествичника, материалов из «Добротолюбия» и т. п., дабы путем определенной, выработанной за феодальный период истории системы духовного угнетения трудящихся масс, — выбить из них всяческое проявление их личности, создать из них безропотное стадо, развратить и направить **эти же пролетарские массы против пролетариата же**.

Из обозрения архивного дела за 1902 г. б. правительствующего синода видно, что в сем 1902 году синод, в полном согласии с директором департамента полиции камергером фон-Валем, постановляет: согласно ходатайству Лабзинных и монахини Алевтины, — указанную Покровско-Васильевскую женскую общину возвести на степень монастыря.

Из обозрения архивного дела за 1903 г. б. правительствующего синода видно, что в сем 1903 г. в виду отъезда московского митрополита Владимира о монахине Алевтине, как об «опытной в административном и хозяйственном отношениях», синод постановляет: назначить ее настоятельницей этого монастыря, с возведением в сан игуменьи, а Ольгу Лабзину утвердить в звании попечительницы монастыря.

Что выболтал продажный писак Грачев.

В связи с учреждением этой монастырской общины—Лабзины купили перо некоего «смирненного старца Михаила Грачева» и выпустили за его подписью несколько «слов» по случаю учреждения и открытия этой общины (см. брошюру, напечатанную в Москве в тип. Гербек, 1884 г.).

Эта брошюра характерна как материал, документально разъясняющий тайные цели капиталистов Лабзиных при создании этой общины. Брошюра имеет заголовок: «и будет едино стадо и един пастырь».

Начало брошюры—в обычных фарисейски-смейных тонах, свойственных всем культам: «Благоговей к промыслу божьему, таинственно и для нас непостижимо (?!?) устрояющему многообразные и дивные пути ко спасению рода человеческого, и, питая глубокочеловеческое сочувствие к православному иночеству. из среды коего выходили в древности, выходят и теперь и будут, по милости божьей, выходить великие святители и молитвенники земли свято-русской. право правящие слово христовой истины и мудро правящие кормилом церкви православныя, я, **простой русский человек**, приемлю смелость сказать несколько слов о новоучрежденной в Павловом посаде Общине».

После описаний, как Грачев, по приезде на торжество, останавливался переночевать у старого знакомого его, Якова Лабзина,—он продолжает:

«В этом храме погребен шурик Лабзина, **памятный благочестивой жизнью и ревностью к церкви божьей,—В. И. Грязнов**».

Далее автор брошюры разбалтывает о **тайных политических целях**, кои побуждали царское правительство, помещиков, попов и царскую охранку устроить в старинном фабричном богородском районе монастырь.

«В продолжение нескольких лет все старания правительства **обратить заблудших на путь правый остались тщетными и тля разврата и неверия глубже и глубже входила в здешнее общество.**

В 1857 г. министром государственных имуществ Муравьевым командированы были в Гуслицы (соседнее село, где проживали постоянно воостававшие крестьяне и рабочие и откуда был родом Грязнов) особые чиновники с целью на месте узнать, как глубоко **зло** пустило корни свои и что следует предпринять, чтобы вовсе уничтожить эти корни и очистить правственную почву от плевел, посеянных кривотолками. Донесения чиновников, что все толки о Гуслицах как пельзя более справедливы, **наполнили ужасом** сердце ревнителя православия Муравьева, и он предложил его величеству принять должные меры для уничтожения **нравственной язвы, заразившей русский народ более и более в стране подмосковной**, которая должна бы служить примером для прочих областей России как в нравственном, так и в промышленном отношениях. Но... в бозе почив-

Карлик—идиот, „монахия Серафима“.

Это зрелище подготовили Павлово-Пасадские фабриканты и, более всего, заводчик Титов в местном монастыре, для того, чтобы придать монастырю необходимую мистическую обстановку (стр. 11).

ший государь император Александр II, как чадолюбивый отец подданных своих, не согласился на строгие меры против раскольников, надеясь вразумить и обратить их кротостью и милосердием, и для сего поручил Муравьеву отнестись к высокопреосвященному Филарету, митрополиту московскому, и спросить его, не может ли принести пользу... учреждение между заблудившимися **мужских монастырей и женских общин**, и при них училищ, больниц и богаделен. Мысль благочестивейшего государя как нельзя более согласовалась с мыслью высокопреосвященнейшего архипастыря, которая таилась в нем слишком 30 лет. И потому он, вполне сочувствуя высочайшей воле, из'явил полную готовность принять все меры к скорейшему осуществлению благонамерений **помазанника божия**.

Цель основания этих монастырей, как пишет Грачев,—«распространение света истины между заблуждающимися и обращение их к православной церкви», «охранение овец, сущих во дворе твоём (божием), от... волков мысленных, и не сущих от двора твоего, приводи в твою спасительную ограду».

Далее Грачев—этот агент царской охраны, рассказывает, что эти цели уже достигаются фабрикантом Яковым Лабзиным путем особого подбора воинствующих попов, душспасительного обучения, открытого Лабзиным «церковно-славянского училища, внедрением с детства в крестьян страха божьего» и т. д.

Итак, заключает Грачев, да возрадуется дух великого благодетеля земли свято-русской, незабвенного царя-освободителя, **царя страстотерпца**, государя императора Александра II. Исполнилась благочестивая его мысль... Святися радостью и ты, богоспасаемый Павловский посад, с твоими окрестными селениями, **слава бо господня на тебе воссия**, созданием среди твоего населения святой иноческой обители, предназначенной благочестно-подвижническим житием и денно-нощными молитвами благоугождать богу и тем оказывать благотворно-просветительное влияние на религиозно-нравственную жизнь окрестного населения.

Упокой, господи, в вечных твоих небесных обителях душу усопших раб твоих Василия Грязнова, в земной жизни своей и нравственной от **праведных стяжаний** (!?) своих, послуживших устройению земных иноческих обителей для всегдашнего прославления всесвятого имени твоего чином церковных молитвословий и добрым житием благочестивых инокий».

Так кончает свою брошюру этот литературный наемник, «всем земного благоденствия, наипаче же вечного спасения искренно делающий смиренный старец Михаил Федорович Грачев».

Уродец Серафима.

Для придания более мистической обстановки этому монастырю—некая монахиня Елена привезла уродца, 1½ аршина ростом, 70 лет.

По рассказу казначейши Магдалины—«этот карлик не мог обходиться без посторонней помощи и иногда всходил в себя, т. е., повидимому, соображал что-то, что происходит кругом. Больше время он был совершенно расслабленным».

Местный заводчик Титов выстроил в монастыре этому карлику специальный дом из 4 комнат. Купец Титов любил говорить, что это он сделал «для души и ее спасения».

По просьбе самого Титова—уродца посетил архимандрит Валентин и сказал: «тебе бы мантию одеть». После этого уродца постригли в монахи и стали именовать Серафимом. Сама Серафима при жизни была помещена в гробу, верхняя крышка от коего стояла при входе в ее домик.

Для этой Серафимы, постриженной в монахини, несмотря на ее иднотизм, т. е. вопреки даже каноническим правилам, лишь из угодности церковников к толстосуму Титову,—в монастырской церкви соорудили специальный ящик со скамеечкой и, кто хотел видеть карлика, тот должен был проползти в этот ящик.

В целях спекулятивных монахини усердно распространяли про этого карлика слухи, что он отличается даром прозорливости.

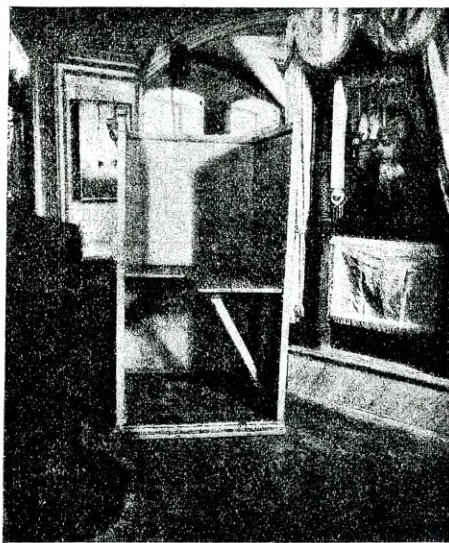
Одновременно учредители монастыря приспособили уродца Серафиму и монахиню Елену к распространению среди посетителей монархических и погромных листовок, — изданий Троицкой Лавры и т. п.

Как подготовляли канонизацию Грязнова.

После смерти Грязнова, Яков Лабзин, его дочери и племянник умершего Грязнова, Василий Никифорович Грязнов, приступили к инсценировке культа Василия Ивановича Грязнова. **Основанная ими**

Монастырская община была лучшей базой для осуществления этого мошеннического плана.

В 1874 г., при постройке храма над могилою Василия Грязнова, — как признала сама Наталия Лабзина, — „по приказу Якова Лабзина от трупа Василия Грязнова отрубили два пальца, и Яков Лабзин хранил их, как святыню, в негораемом шкафу. Предъявляемые мне следователем сейчас пальцы и серебрянный ковчег **суть те самые пальцы**, кои хранились у моего отца, — как **мощи** Василия Грязнова. И мой отец, и я, и духовенство, которое посещало наш дом, **надеялось**, что мощи Василия Грязнова будут прославлены. Василий Никифорович Грязнов (племянник) тоже постоянно говорил, что мощи Грязнова (его дяди) прославятся. По преданию нашей семьи — Грязнов был божий человек, святой

Сооружение для помещения в нем карлика, монахини Серафимы, находившееся в Павлово-посадском монастырском соборе. Во время торжественных богослужений поны посылали пасомых к целованию руки этой „прорицательницы“.

жизни. Он старался жить хорошо на земле, чтобы получить царствие небесное. К нему приходили с разных сторон страж-

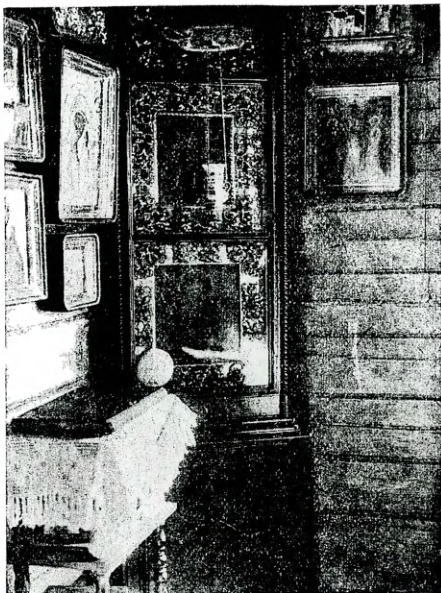
душие больные и получали от него утешение христианским божьим словом. Его предсказания часто сбывались“...

Главным советником по делам о канонизации Грязнова, и имевшим весьма солидные доходы от семьи Лабзиных, — как удостоверяли монастырские священники, — состоял духовник Лабзиных, священник Павел Доброклонский.

Ближайшею помощницею по инсценировке канонизации Грязнова была игуменья Алевтина.

В большинстве келий монахинь находились изображения Грязного в виде старца благочестивой жизни и его назидательные проповеди на церковно-славянском языке, напечатанные славянской вязью.

Посетителям монастыря раздавались изображения Грязнова, как благочестивого старца, кроткого и верующего. Кругом изображения

Картина божницы игуменни Павлово-Посадского монастыря Алевтины.

славянскою вязью было припечатано его предсмертное письмо к собранной им братии, с которыми он общежитествовал:

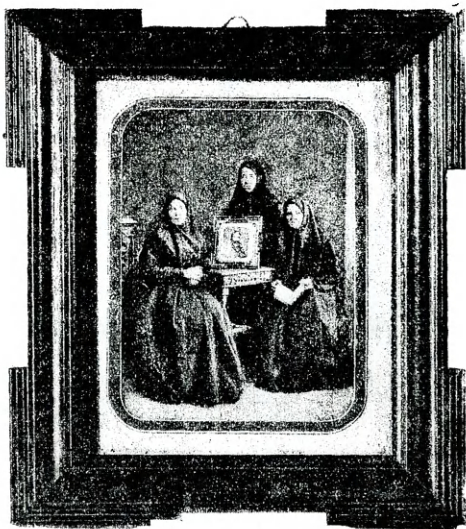
„Возлюбленная моя о господи братия. Во-первых прошу вас; помолитесь господу и причистой его матери... Препоручаю вас милости божией и покровительству божией матери... Покорный к вам **Василий Грязнов**. А при сем еще скажу вам слова самого спасителя, что вернее и благонадежнее всего от человека невозможно, а у бога невозможного нету. Не колебайтесь разными слухами, а поверим лучше богу, а **верующему** **вся возможна**, по мере вашей буду вам. Я верю и надеюсь, что мне бог поможет, что я и был, да еще и на лучшее молитесь и не унывайте. Дороже и полезнее для чело-

Образ святого Василия Грязнова, находившийся в божнице игуменьи Алевтины, сирова.

бека на свете и промысла нет, как бог, да молитва. Один день, проведённый в молитве, лучше тысячи лет. Что бы в каком деле хорошем нам ни казалось, а при сем держитесь единодушия и согласия между собою. Что делать будешь, когда так пришлось напротив нашего желания? Но все еще это не беда, а училище внутреннего человека. Для чего человек и родился на свете, чтобы сим сокровищем обладать. Буди имя господне благославленно во здравии и в скорбии. Именно так, братья моя; больше писать не придумаю“.

Когда монахини заболели, то игуменья Алевтина обычно посылала вместо докторов — на могилу Василия Грязнова, в храм, и предписывала вместо лекарств — либо попить масла с его лампады, либо помолиться возле его могилы, либо помазать горло маслом и т. п. Игуменья Алевтина говорила — как посетителям монастыря со стороны, так и монахиням, что от могилы Василия Грязнова, от его трупа, исходят чудеса, исцеления, облегчения горя и т. д.

Изображение святого. Грязнова распространявшееся Павлово-Посадскими купчихами среди окрестных крестьян.

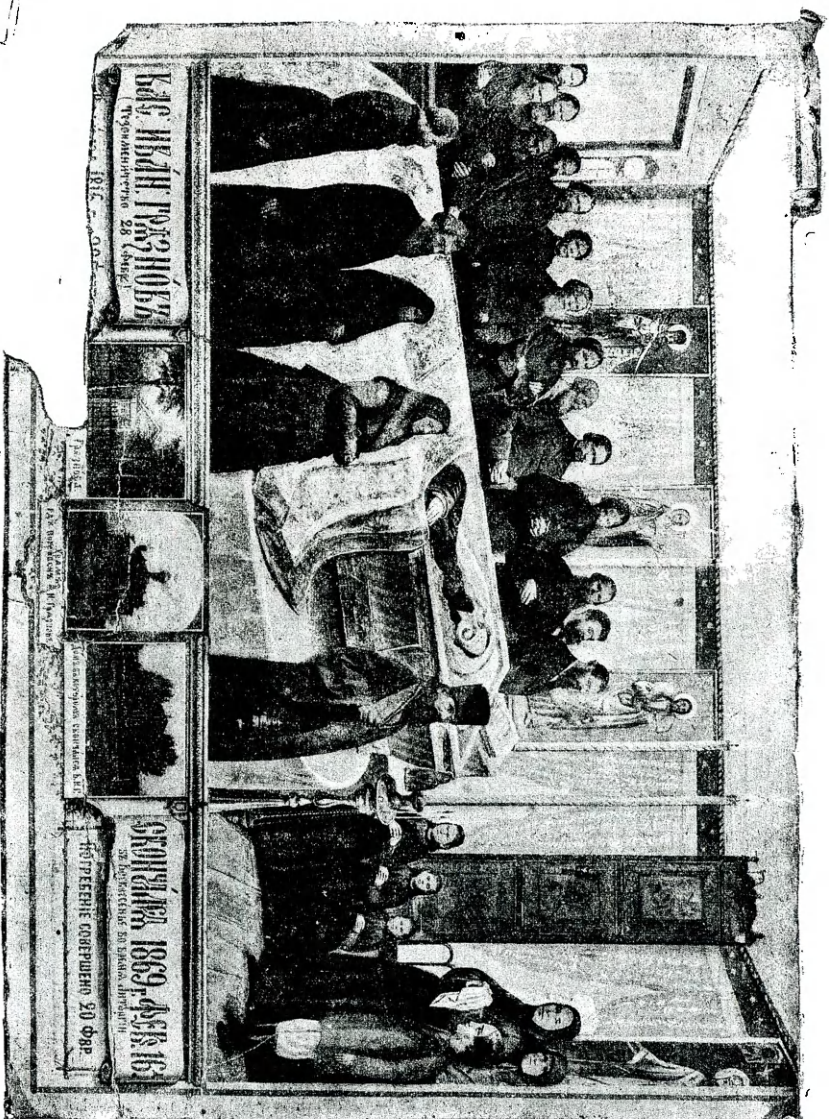
Научная экспертиза изображений Грязнова.

В виду возникших у следственной власти сомнений в соответствии изображенного на photographиях с событиями, действительно имевшими место, вещественные по делу доказательства были подвергнуты экспертизе по роду проверки, при участии профессоров Московского Государственного Университета: по кафедре анатомии и судебной медицины — Рождественского и Семеновского; по кафедре физики — Корчагина; по кафедре фотографии и живописи — Сухова и по кафедре изящных искусств — Щербакова.

Проверке было подвергнуто фотографическое изображение «христианской кончины» Грязнова, в массовом количестве распространявшееся среди крестьянства.

Грязнов изображен в гробу. С правой стороны — 15 человек с соответствующими моменту настроениями, с левой стороны — дети, старушки и священник, отпевающий покойника.

Научная экспертиза этой картины религиозного характера пришла к следующему выводу:

Картина христинской коптинки святого Василия Гравона.

Научное обозначение этого обитателя для переконников фотографического подлога см. на стр. 16—16.

«Картина эта не является снимком с натуры, а **представляет инсценировку.**

Первоначально оператор этого дела нарисовал фон, изображающий комнату, окна, дверь; в простенках—иконы почти в рост человека с изображением так называемых святых. В головах—два подсвечника с длинными зажженными свечами. **Затем уже,** по нарисовке фона, на этот фон были наклеены вырезанные **из других фотографий** отдельные фигуры и целые группы, якобы, участвующих лиц в этом процессе «христианской смерти». К изображению священника **подрисована** рука с кадилом. К фигурам плачущих женщин **подрисована** фигура мальчика. Со всей этой инсценировки **был сделан негатив,** раскрашенный красками, отпечатком с когo и является рассмотренная фотография.

Эта мошенническая инсценировка «христианской смерти» Грязнова была представлена местному монастырскому священнику Смирнову, который пояснит:

«Предъявленную мне картину я хорошо узнаю, ибо Лабзина и монахини ее развешивали в разных публичных местах.

Около головы умершего стоит первым: местный богатч Фролов, вторым—стоит местный богатч и домовладелец Шевелкин, третьим—стоит фабрикант Яков Лабзин. Все остальные старики—**прихлебатели** при попойках Грязнова, которых он кормил, поил и одевал и держал при себе в качестве распространителей его славы—из своих доходов с фабрики. Ниже, с правой стороны, отец Павел Доброклонский».

Одна из обнаруженных картин религиозного характера изображает Грязнова сидящим в кресле, в обстановке благочестиво размышляющего старца, в бедной келии, среди икон, и вопрошающего о лжесвятстве от немощей духовных и телесных. К нему нисходит таинственный монах с четками, с благословением, и как бы из неизвестной заочности посылает на крестный путь. Внизу церковно-славянскими буквами напечатано следующее (стр. 18):

«**Аптека духовная:** Старец некий, прииде во врачбницу и вопроси врача, есть ли таковое бытие, еже бы врачевало болезни душевные или грехи? Врач же отвеща: есть. Прииди и возьми **корень послушания** и правды, листие упования и терпения, цвет красоты или чистоты душевной и телесной; плод добрых дел изотри в сосуде сокрушения сердечного; просей в решете рассуждения; пролей воды от слез молитвенных и раствори горестию покаяния, потом воспламени себе божественною любовию. Вложи в горнило ничтожества, или смирения, отвержи щедрую руку в милостыни, юже да твориши в тайне; егда же все то уготовится через огонь веры и благодати, употребляй в твою пользу,—**тогда** будеши совершенно здрав».

Весьма характерна религиозная картина, изображающая Грязнова в такой обстановке (стр. 20).

Грязнов—в хитоне. С правой стороны с небес нисходят три женщины, и сверху четвертая, в обычных тонах, в коих церковники рисуют так называемых святых. Все четыре женщины приклеены особо к дереву, как бы нисходящие с неба. На одежде одной из женщин напечатано: Надежда. Эти женщины изображают: Веру, Надежду, Любовь,—три богословские героические добродетели, и мать их Софию. Вокруг головы Грязнова пририсован бронзовым порошком **нимб.**

Изображение нимба еще до появления христианства применялось в качестве характеристики величия, силы—например, для изображения

языческих богов. Искусство христианское приняло этот символ, влив в себя и все прочее языческое. В живописи катакомб нимб в изображении бога Иисуса подмечается уже в 4 столетии. Уже в конце 5-го столетия нимб появляется у святых, как атрибут святости. В настоящее время нимб у церковников—изобразительный признак святости.

Эксперт профессор Щербаков на вопрос, как объяснить все стадии работ оператора подобного дела, пояснил, что все, подлежащее осмотру экспертов, предметы, (фотографии, портреты, иконы, мощи, поучения и т. п.), «производят впечатление несомненного возвышения личности Грязнова.—вплоть до изображения его на иконе; с нимбом, т.-е. в сиянии святости».

Экспертизе были подвергнуты и самые «мощи» капиталиста Грязнова. Речь идет о тех пальцах, кои фабрикант Яков Лабзин предопределил отделить от скверно вонявших останков Грязнова (что портило музыку), и подмазать их вонюхи благоуханными.

Эти пальцы были помещены в серебряный ящичек, «ковчежец». К середине крышки был приделан серебряный крестик с изображением на нем «распятия спасителя». При открытии ящичка в нем оказалось несколько костных частей, некоторые из них с сохранившимся мягкими тканями, разной величины, темно-бурого цвета, представлявших пальцы.

Пальцы, бусы и вата издавали резкий запах розового масла. Самый ковчежец был спрятан в несгораемый шкаф кассы торгового дома Лабзиных и Грязновых и был там обнаружен при национализации предприятия. (Охранявший эти святые пальцы и другие реликвии В. Грязнова—в несгораемом шкафу этой фабрики,—богородский фабрикант Елагин—сбежал из Павловского Посада во время процесса национализации этой фабрики, в 1919 г., захватив с собою фабричную кассу).

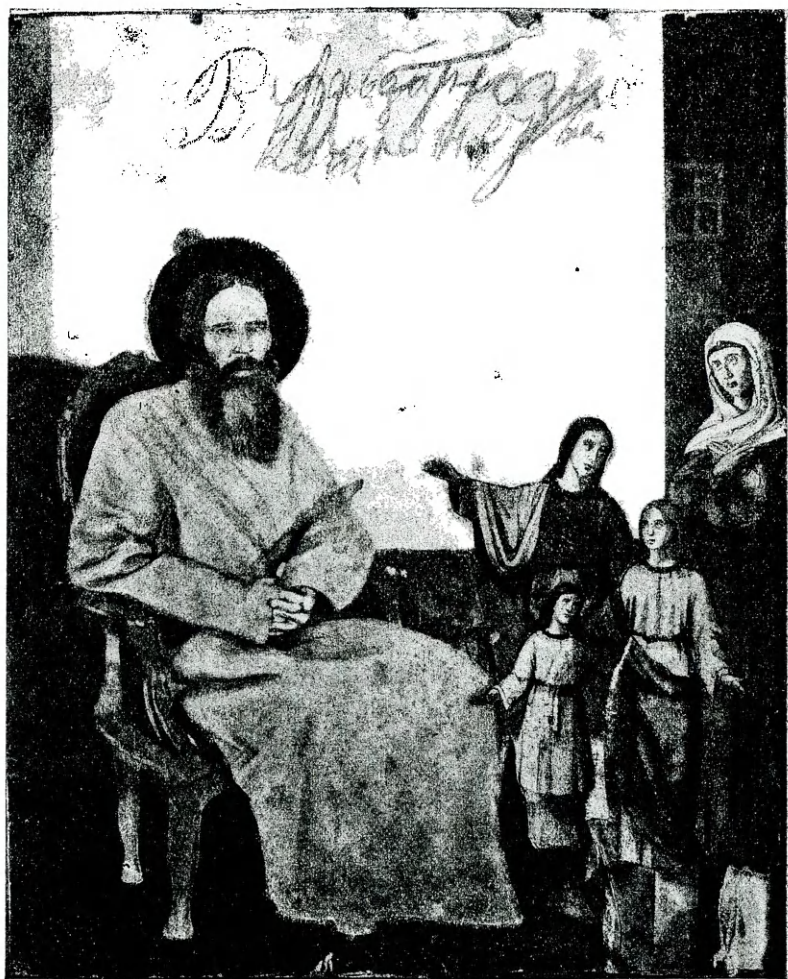
Профессор по кафедре судебной медицины П. Семеновский путем микроскопического исследования установил, что: 1) эти «мощи», остатки тканей, покрывающие кости, представляют из себя кожу и остатки мышц человеческого трупа, подвергавшегося особому виду естественного гниения трупа, так называемому мумифицированию (высыханию); 2) в целях предохранения от дальнейшего распада высушенных тканей на костях операторы прибегли к смазыванию их эфирными маслами.

Как бы то ни было, по «христианская кончина» и «мощи» были изготовлены. Для канонизации не доставало житийственной литературы с ее чудесами.

Житие святого Василия Грязнова.

И необходимый в таких случаях труд оставления **жития** «святого» берет на себя его наследница, миллионерша Ольга Лабзина, ханжа, приезжавшая на моление в свой монастырь на роскошных рысаках, устраивавшая пышные церковные службы, а засим—пышные обеды и балы при участии высших представителей светских и духовных властей.

Самое **житие** составлено по способу, обычному для агнографии. Агнография есть сводка из самых мутных, заведомо ложных, источников—фактов о деятельности лиц, коих церковь имеет материальный интерес прославить.

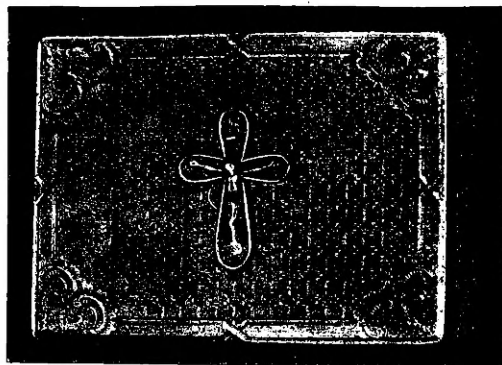

Мошеническая инсценировка обожествления капиталиста Василия Грязнова с нимбом на голове, в силнии святости,—в компании с христианскими святыми—Верой, Надеждой, Любовью и матерью их Софией (стр. 19).

В жизни обычно описывается жизнь такого человека, как святая подвижническая, полная стойкой защиты древней веры.

За это так наз. бог отличается богопотрудившегося даром чудотворения при жизни и даром „нетления“— после смерти Они— ходатаи за людей пред этим богом. К таким угодукам верующие возносят моления и жертвы,—отказ от собственного счастья.

Самое „Житие“ Грязнова было найдено при осмотре помещений Натальи Лабзиной, совместно с подлинными

Ковчежец, в коем Павло-Посадские акулы текстильной промышленности хранили пальцы (нетленные мощи) капиталисты Василия Грязнова (стр. 19).

„Нетленные мощи“ капиталиста Василия Грязнова. Эти святые пальцы подвергались специальному смазыванию сфирными маслами.

письмами Грязнова к его компаньону по торговле, Якову Лабзину.

Из обнаруженных документов выясняется следующее.

В 1896 г. Ольга Лабзина направила Московскому митрополиту Сергию прошение с приложением „Воспоминаний о незабвенных старцах первой гильдии купце Вас. Ив. Грязнове и Як. Ив. Лабзине“.

В первых строках этого прошения отмечается, что „с юных лет праведной жизни Василий Грязнов всю жизнь подвизался в борьбе с расколом и старообрядчеством“. Говорится, что Я.И.Лабзин желал восстановить все

замечательные факты страдальческой жизни Грязнова, о чем советовался с протоиереем Павлом Доброклонским. Говорится, что сам старик Я. И. Лабзин хотел напечатать жизнь Грязнова еще в восьмидесятых годах **«для пользы верующих и в обличение старообрядчества»**,—но дело отложилось. Я. И. Лабзин чего-то ожидал.

Ольгу Я. Лабзину „возбуждает написать воспоминание о многотрудном и многострадальном житии Грязнова благоговейное чувство к усобшему, спасающемуся не в диких пустынях, не в горах и лесах, но... среди мира и соблазнов“.

„Труженики на поприще христианского самоотвержения (речь идет о Грязнове и Я. И. Лабзине), труженики на поприще молитвы и благотворений, а Василий Грязнов еще—на поприще распространения православия между старообрядцами и раекольниками,—вот те немногие слова, которыми очерчивается с главных сторон вся полнота их многотрудной деятельности и **поучительной их жизни**“.

Лабзина льстит себя надеждой, что верующие согласятся, что оба описываемые ею старцы были — **„сосуды, избранные богом, нужные для просвящения местности, где церковь Христова была угнетена нескончаемыми интригами через капиталы тайно под оную подкапывающихся раскольников“**.

Возвращаясь вновь к моральному облику старца Грязнова, О. Я. Лабзина говорит, что он «по стопам спасителя был милостив, любил плачущих, коих непрестанно утешал..., на поприще торговли трудился преимущественно для исполнения своих обязанностей, как перед законом, а также для возможности предоставить всем неимущим заработанный хлеб и, наконец, чтобы щедрою рукою помогать всем, от них помощи просящим».

Несгораемый шкаф фабрики Торг. Дома „Я. Лабзин и В. Грязнов“, в коем хранились „нетленные мощи“ В. Грязнова.

Глава I жития.—Душа Грязнова „ищет господ“.

В первой главе Жития повествуется, что Грязнов с детства был «мальчик умный, кроткий, добронравный; с малых лет усердно любил молиться; уже с 8 лет встречал великий пост с особливую радостью»...

...«Но враг нашел, чем его искусить: сотоварищество с порочными фабричными мальчишками внушило ему, что он теперь может и свои заработанные деньги употребить, как он хочет сам, и он стал пить вино, и благое рассуждение стало его по временам оставлять. Но и тогда душа его искала господа, и он купил себе... балалайку. (!) Ему хотелось хоть в печальных звуках (балалайки) излить перед богом то, что чувствует душа... Пример недобросовестных мальчишек, хулящих бога, смеющихся, когда Василий начал читать духовные книги, как поток бушующих вод, уносил бедного, помимо своей воли, в бездну бушующих страстей. Он падал, но невольно опять падал; при падении вновь плакал, вновь рыдал, вновь просил прощения у бога и у родителей своих,—и тогда, в порыв сознания и огорчения, он сам прозвал себя Грязным. Почему он впоследствии сам себя прозвал Грязновым и это прозвище осталось у него навсегда»...

...Бывало, товарищи спросят его: «что с тобой, Вася? О чем ты так плачешь»?—«Загробная жизнь должна быть предметом наших дум»,—отвечал он»...

По поводу этого силошного пьянства святого авторша «Жития» приходит к следующим выводам:

...«Рассуждая о жизни Грязнова, мы смело можем сказать, что над ним сбылись слова пророка Давида (псалом 36, ст. 24): Егда падут—не разобьются.—През падение ему предназначено было возвеститься. Однажды один из товарищей (не упоминается, какой и когда) в присутствии Грязнова стал произносить хулу на святую, осмелился оскорбить св. икону матери божьей, и... в этот же момент... скоропостижно скончался». Тут Грязнову послышался голос, сказавший ему: «если ты вполне не исправишься, то и тебе предстоит такая же смерть».

С тех пор Грязнов «усилил молитву и,—подобно пророку Давиду,—ложе свое слезами орошал. Читал духовные книги; **попадались еще и раскольнические**; он любил вникать в их **безумные** учения, опровергал их. Между ними попала ему одна рукописная такого содержания, но она не могла его привести в такое сомнение: он очень хорошо знал догматы нашей православной церкви и с никакими мудрецами не общался. Читал их книги только с любопытством, но другим из своей семьи читать не давал»...

Однажды, в ночное время, в июне месяце, когда Грязнов совершал молитву, услышал он голос, ему сказавший: «Поезжай в Берлюковскую пустынь, и там получишь исцеление». Переночевав в монастырском сарае, он вдруг исцелился, после чего в первый раз за всю жизнь, а ему к этому моменту было 19 лет,—и удостоился приступить к св. тайнам христовым»...

На сцену выводится богодухновенный монах Венедикт, который, якобы, преподавал Грязнову совет: остаться в миру, «молиться внутренно», не читать более сектантских книг, сражаться за все правила устава полицейской православной церкви.

С того времени Грязнов и стал держать себя особенно строго.—«даже в словах и в самом своем наружном виде, и с того времени не оставлял он свое уединение, чтение и молитвы».

ВАСИЛІЙ ІОАННОВИЧЪ БРАДНОВЪ

родился въ 1816 г. Пронхонная изъ крестьянскаго сословія. Жизнь свою провѣлъ беззачинъ и свои жизни заслажалъ безъ ни мѣла, почтѣи. Онъ былъ доверъ дѣла и помощникъ бѣдѣмъ, защитникъ притѣсненныхъ и осужденныхъ, шпикъ совѣтчикъ въ дѣлахъ затѣмляемыхъ и прѣятый совѣдникъ кротчайшихъ людей. Имѣя доверъ дѣлъ, много слезъ и слѣбѣтъ чужихъ онъ могъ совѣтовать въ себѣ все что кумуля. Въ 20 лѣтъ возмѣст онъ проподѣлъ жизнь свою въ восторженности бжогмысли. чтеніи слова Бжга и писаніи св. Свѣ. Такая жизнь по-родила въ немъ слѣдныя гранітныя черты: онъ и имѣлъ въ слѣдныя: Развѣдасъ прѣвѣла, онъ тщательно проудалъ докончить Пронхонныя стѣны при тѣхъ-ахъ при въспѣннѣи Церкви Павловскаго Посла, потомъ въспѣннѣи и въспѣннѣи, при чѣмъ нѣмалъ бы ни гдѣ дѣла, ни силъ своихъ, ни денегъ, чѣмъ доверъ бы была при згономъ дѣлѣ въ бжогмысли-вѣмъ бнѣдѣ

Вот за что и была награждена, Начальство Золотом медалью. Следи и сейчас, чтобы не было крашений. Сиди на хала, Оны мужской антиг, да хотъ бы жизни, не сподар смерти, помы доброт награждение. Оны споминала Лыньего что не единичны, бытность, была таже слыны, что его сородича Оны помыслил всегда в воде. Был оторван от голы дини, не востануть, болно отдаленым в селении ных и что была ржка его всегда грешала была помоч худому и него без ничего. При его свбодном нмб и доводно мичко изжил из. В Оны, не востануть, болно отдаленым в селении ных и что была ржка его всегда грешала была помоч худому и него без ничего. При его свбодном нмб и доводно мичко изжил из.

[illegible][illegible]

Биография Василия Грызнова, составленная „агиографически“.

По политическим заданиям этой биографии—Грязнов:—бандит с большой дороги, засим душитель рабочих на своей фабрики—должен превратиться в народной памяти в ласкового и добродетельного человека, в религиозное прибежище трудящихся масс от скорби.

Автор этой мошеннической инсценировки — местный протоиерей Сергей Цветков.

глава II жития. Жизнь Василия Грязнова в деревне Евсеевой (1836—1845 г.).

В Грязнове стала появляться старческая степенность. Он постоянно говорил словами св. Иоанна богослова: «Не любите ни мира, ни плоти, ни плесоти, ни похоти очес и гордость житийская, ни от отца, ни от мира сего есть».

Грязнов отказался от брачной жизни (в житии умалчивается, он был евнух), бросил двухперстное сложение, стал креститься тремя перстным крестом. Когда родители его жаловались на бедность, Грязнов говорил в ответ: **«Не скорби, мать,—бочка золота катится и прикатится к нам скоро».**

...«Он часто страдал от демоновских разнородных страхований, но его спасали... повторения текстов из творений святых отцов»...

Грязнов становится вместе с тем грозным обличителем раскола. Он даже избивает местного миллионера, купца Широкова, в тайном расколе. Широков и его единомышленники-раскольники «отмстили», распространив о самом Грязнове слух, будто тот еретик, фармазон, шепотник и хлыст. и возбудили даже против него свою волшебную силу, скрывавшуюся в их деньгах и неправде».

К этому времени Грязнов... уже пророческий! Авторша Жития ссылается на рассказ одного крестьянина (фамилия коего не упоминается) и повествует, как однажды Грязнов шел по полю и нашел узелок со сдобными булками. Грязнов принес этот узелок домой и объявил, что в пирожке скрывается яд. Бросили пирожок курам—и они подошли.

Далее в Житии описывается, как на Грязнова неким Хреновым, по наущению Широкова, в Московскую тайную полицию и митрополиту Филарету был сделан донос, будто Грязнов «опасен для православия, рассуждает о религии, толкует о том, что он положительно не знает, увлекает молодежь».

Из Москвы приехал (в 1845 г.) жандармский полковник князь Хилков, исправник, стряпчий, следовательно, депутат от духовенства о. Антоний. Грязнова арестовали. По селу пошли полицейские и сыщики. Пошла слава, что Грязнов антихрист, скопец и т. д. Отец Антоний приказал Грязнова пытать. У Грязнова выбивают 2 зуба, учиняют пролом головы.

Но Грязнов остался для суда неуязвим и его освобождают. Следствие пришло к выводу, что он «человек редкой добродетели, человек божий и истинный христианин». За этот срок Грязнов обращает из сектанства в полицейское православие, по статистике Жития, около... 7.000 человек!

К этому же времени состоялось знакомство Грязнова с местным фабрикантом Я. Лабзиным. Грязнов вел душепастельные беседы. «Известно, что жизнь будущая necessarily связана с настоящей; что участь первой зависит от последней; что здесь время трудное, а там время успокоения; что здесь сеяние, а там жатва». Вскоре к Я. Лабзину перешло все наследство от отца.

Дух Грязнова искал жизни созерцательной, но как-то по дороге в одно село ему на пути в поле показался священномученик Харлампий, и говорит ему: «есть воля божия тебе продолжать наблюдение за всеми, врученными тебе богом, людьми, тобой обращенными в лоно православной церкви».

С тех пор Грязнов, как выражается автор Жития, «по поведению свыше»,—стал принимать к себе в деревне Евсеево «всех, приезжающих к нему за помощью». Православные мужички прямо от сохи бежали к нему за помощью», и приносили ему припасы и пр. Тут мать его вспомнила и поняла, что обозначали пророчески сказанные ей слова утешения: **бочка золота катится и прикатится к нам скоро**. Этим мужичкам Грязнов объяснял словами ап. Павла к римлянам (гл. 16, ст. 17): «Умоляю вас, братия: остерегайтесь производить распри и соблазны вопреки учению, которому вы научились, и уклоняйтесь от них».

...«Многие из павловских фабрикантов старались тоже приблизиться к Грязнову, и воистину—умозаключает Лабзина—то, что казалось невозможным, стало возможным,—так как на все вышеуказанное была... воля всеведущего и всемогущего творца!!!».

Глава III жития. Воспоминания о жизни Грязнова совместно с Я. И. Лабзиным (с 1849—1860 г.).

В 1849 г. Яков Лабзин унаследовал после смерти своего отца богатую платочную фабрику в Павловском посаде и сам стал вникать в торговые дела.

С утра до ночи он в конторе своей был завален счедами и биржевыми сделками, отчетами приказчиков по ярмаркам, сверял счета с бухгалтером и т. д.

Между тем, Я. Лабзин «не оставлял церковь святою; всякий день был у службы церковной и ежедневно видался с подвижником деревни Евсеево—Грязновым, советы коего по службе их ему были необходимы», а затем переманил Грязнова в свой дом и взял на себя расходы по содержанию всей его семьи...

...«Обещанная Грязновым бочка с золотом, после долгих лет, наконец, в действительности прикатилась... за молитвы Василия»...

Сестры Грязнова вышли замуж за павловских купцов. Сестра его, Акулина, выходит замуж за самого Якова Лабзина, — «Уже все знали Грязнова как за раба божия, а Якова Лабзина—за умного, благоговейного, молодого человека, скромно себя держащего, имевшего знакомство только с деловыми людьми и с духовенством, с коим и Грязнов был близок».

Тем временем Грязнов,—«хотя и не был торговым человеком, но был столь мудр, что... вник во все фабричные дела Лабзина»...

Лабзин ездил по делам и на ярмарки, а Грязнов постоянно находился при фабрике. Там он был «тихое пристанище для обуреваемых страстями, удрученных скорбями и болезнями» (т.-е. для эксплуатируемых рабочих).

Тут Грязнов каждого... «совершенно успокаивал и как бы на себя всю тяжесть принимал; уговаривал быть великодушными, терпеливыми, говорил с убеждением, что все скорби мира **сего** еще не беда переносить, а беда потерять веру в бога, беда потерять жизнь христианскую; вот говорил он, истинная беда, достойная плача и болезни сердечной»...

...«Грязнов был прибежище вдовам и сиротам, а девицам—как истинный рачитель девственной чистоты»...

...«Воздержание его было безмерное, **внушал он всякую пищу более для вида**»...

...«Плодотворно действовали все поучения старца Грязнова. Бывало, когда дает советы, то сам плачет и других плакать заставляет и, возвратясь от него, по силе возможности, все старались об исправлении своей жизни»...

...«Труды и подвиги Грязнова **бессмертны**, как для церкви, так равно и для общества Павловского посада. Доблести его проити молчалим нахожу неудобным,—говорит авторша Жития,—так как многие, знающие его, как светские, так и духовные, удостоверяют, что старец Грязнов был преисполнен даром особой благодати. При глубокой подвижнической жизни он был истинным патриотом, **который не знал границ любви к престолу и отечеству**. Он так относился к царствующему дому, что **царь — помазанник божий или бог земной**, что сердце царево—в руке божией; преданность к царствующему дому должна быть беспредельной. Грязнов говорил, что все зависит от воспитателей,—и что таковые правила следует им прививать к своим воспитанникам с юности. Старец всегда говорил: «будем просить бога, будем надеяться, что **бог** молитвами всех святых своих **спасет царя и Россию**»...

...«По мере веры своей, Грязнов видимо чудодействовал»,—говорит автор. В 1847 г. в Павловском посаде появилась холера. Но—«по вере и за молитвы его ни один человек из близких ему или верующих не умер от этой болезни»...

...«Тот же случай был с... (с кем именно, в дневнике не указывается, но оставлено пустое место для дальнейшей вставки), как помнится—в 1859 или в 1860 г.г., когда он был на нижегородской ярмарке».

Далее рассказывается такое чудо: Грязнов это неизвестное лицо с ярмарки повез домой, и по дороге «приложил свою голову к больному и глубоко вздохнул, и посмотрел как ангел божий, а больной уснул... и... встал на утро здоровым».

Далее в Житии приводится еще несколько подобных исцелений от молитвы Грязнова,—без указания места, времени и лиц, с коими произошли самые чудеса.

...«Одна ищущая спасения девица (опять—неизвестно какая) была глуха с детства: не слышала и тысячного колокола. Пришел к ней Грязнов в дом, подержал за ухо, потом за другое, и сказал матери: завтра съездите с ней в Введенскую пустынь отслужить молобен,—и... в тот же час глухая стала слышать»...

...«Теперь весь мир удивляется на милосердие и пользу, которую приносят молитвы всем известного отца Иоанна Сергиева Кронштадтского. Почему же не удивляться, как и не вспоминать об источнике милости, об утешении в скорбях, о чудодейственной силе при исцелении болезни раба божьего Грязнова, подвижника, этого страдальца во время, этого поборника против раскола. Поэтому следует о нем печатным словом не утаить, а помянуть пред целым миром об умершем.—Почему же не прославить имя божие за дарование нам в среде нашей такого великого человека, который в смирении своем удостоился апостольски послужить о христе братьям своим, не бывши ни монахом, ни священником; ни даже пустынно-жителем»...

...«Проповедь Грязнова, да не останется в забвении. Скажем о нем словами апостола Павла к римлянам (гл. I, ст. 17): «Правда божия в нем является от веры в веру, яко же есть писано: праведный же от веры жив будет»...

...«Грязнов действовал, как повелевают нам святые апостолы, но, к сожалению, не много есть со времен апостольских таких великих людей»...

Этими великими людьми, по описанию Лабзиной, являются **только двое**: Иоанн Кронштадтский, известный агент царизма времен императора Александра III и Николай II, и... Грязнов.

В доказательство чудотворений Грязнова далее приводятся такие случаи исцеления от его магических действий.

Чудо 1.—«Теща А. Е. шла с базара и с трудом пришла домой. Вдруг стало опухать все ее лицо, сделался нестерпимый зуд, и в скорости так страшно распухла, что и глаза ее не стали видеть. Послала она узнать, нет ли старца Грязнова в посаде. И. И. (так обозначается Лабзиной свидетель) начал его отыскивать. Пришел старец Грязнов и сказал: ничего не будет, только молись, богу! — Заставил при себе намазать лицо маслицем из лампы, посидел при ней, и **заметно было**, что он внутренне молился; и действительно, — как только помазали лицо больной, сию же минуту раздражение кожи успокоилось и... как будто ничего не было»...

Чудо 2.—Одна девица (без упоминания ее фамилии) заболела головою и Грязнов внезапно вылечил ее, прислав... квасу в пузырьке.

Чудо 3.—У одной женщины (без упоминания ее фамилии) был нарыв на груди. Грязнов помазал лампадным маслицем и... нарыв в ту же ночь прорвался.

Чудо 4.—Девочка горбатая (без упоминания ее фамилии) посетила по совету Грязнова Берлюковскую пустынь и искупалась в реке, — **и горб совершенно пропал**. И т. п.

Выписав 12 подобных чудес, Лабзина вновь возвращается к воспоминаниям о духовной, общественной и торговой во славу имени божия деятельности В. Грязнова.

«Грязнов **настойно** соблезновал Якову Лабзину, что во время отсутствия последнего он, несмотря на свое **внутреннее** постоянно молитвенное состояние, занимался фабричным делом Лабзина, как блюститель над всеми приказчиками, и был советчиком молодого хозяина. Лабзин дал ему полную доверенность. Он действовал, как наблюдатель, только в пользу того, чтобы **все торговые дела совершались честно, благородно, одним словом—во славу божию**».

После того, как Грязнов узнал, что покупательские векселя на ярмарке аккуратно оплачиваются кредиторами, он радостно пишет своему компаньону Лабзину так:

...«Верю победили. Победили противные царства, успели всем, получили желаемое, исправили дела сверх естества. Вера и ныне еще жива и в добром здоровье находится, **и нам к ней есть хороший доступ**, и мы просим ее, и она нам помогает и поможет, в чем будет наша нужда. Спасибо той вере. А потому скажем: слава богу отцу и творцу нашему»...

«Как любил Грязнов государя и отечество»,—видно из письма его (к отправляющемуся на фронт его племяннику) по поводу империалистической войны 1855 г.

«Первое: Война началась за православную веру. Второе: за угнетенных и невинных греков, а нам они по вере православной родные братья; а кто за брата живот положит, тому жизнь вечная готовится на небе с богом и со всеми небесными силами. Какая награда, и описать невозможно. Вот вам какой подвиг подобен мученикам. Третье. Не менее, а больше того, стоит вооружить себя против вра-

тов—за государя и за все его благочестивое семейство... Теки на принадлежащий тебе святой подвиг».

Как видно из Жития, к этому-то времени Грязнов и делается близким сотрудником московского митрополита Филарета * даже, по его поручению, **ведет тайные дознания о политическом настроении края.**

С 1862 г. дела фирмы начали принимать совершенно другой оборот: они быстро поправлялись, и вместо убыли **«прибыль полилась рекой».** Грязнов делал вклады на церковь. Митрополит Филарет, ценя его заслуги, представил Грязнова к высочайшей награде, которую тот и получил.

К этому времени Грязнов выстроил двух-этажный дом сзади дворца Лабзиных, и поселил туда 11 человек, устроив себе отдельный домик. Здесь он принимал молодежь.

Вскоре после этого 1/II—1868 г. в нотариальной конторе был утвержден торговый дом под фирмой «Яков Лабзин и Василий Грязнов».

По этому поводу автор Жития уверяет: «Грязнов о наживе и не думал, и не желал оной,—как видно из всей его жизни и из **этих последних действий.** Он следовал вполне совету апостола Павла (послание к галатам, гл. 3 ст. 10): теми же убо, дондеже время имамы, да делаем благое во всем, наче же присны в вере».

В 1869 г. Грязнов скончался.

На его погребении присутствовало 22 протоиерея, 22 диакона, 40 причетников, около 40 монахов и 2 хора певчих. Похороны отличались особою пышностью.

...**«От гроба его получают исцеление»...** (случаев не приводится), удостоверяет Лабзина.

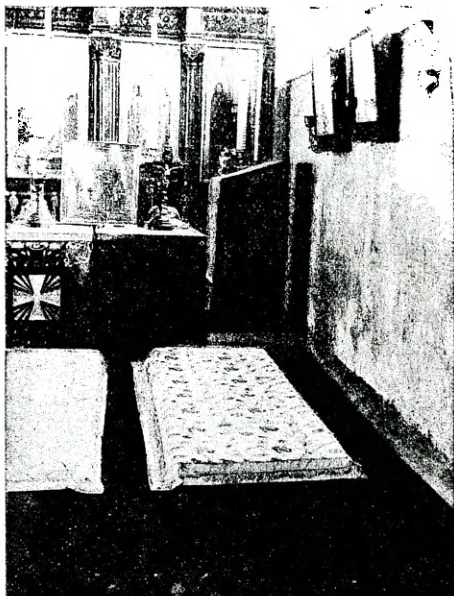
В этом же дневнике рассказываются анонимные случаи исцеления «после смерти раба божия Василия Грязнова».

Неизвестная женщина не поправлялась после родов,—и... поправилась—лишь отслужив панихиду по Грязнову.

Ребенок ее выздоровел, лишь только она помазала его маслицем из лампады Грязнова.

Некая девица страдала глухотой, взяла песочек с могилы Грязнова—и вылечилась.

Некая девица болела головою 3 месяца и вылечилась, лишь попив воды с песочком от могилы Грязнова.

Рака Василия Грязнова — в церкви Павлово-Посадского монастыря.

Некая старуха страдала расстройством желудка, поцеловала ручку изображения Грязнова и... лишь после того вылечилась и т. д.

В подлинных письмах Грязнова выражается радость по случаю окончания в их пользу судебной тяжбы с мачехой Лабзина, — по поводу наследства даются советы, как поступать с товаром на ярмарках, в интересах наибольшей выгоды, и т. д.

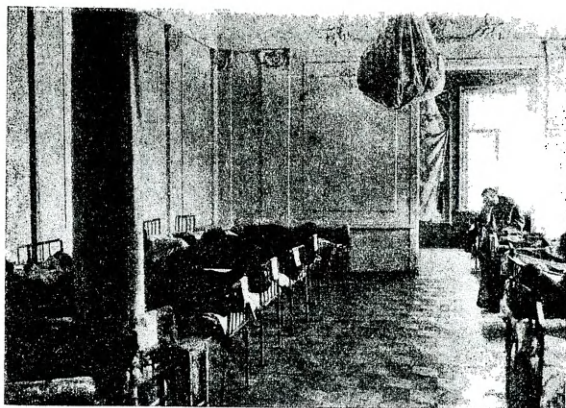
В письме от 6-11-1858 г. к Якову Лабзину Грязнов пишет: «при сем тоже за нужное признаю, чтобы господь бог поспешал вам в делах торговых, потому и это дело необходимо нужно, чтобы привести в порядок свой, доколе воля божия определила **около этой навозной кучи находиться**. Уведомляем: за все богу благодарение, все дела идут в хорошем положении».

Купцы духовные.

Препровождая на имя московского митрополита Сергия эту рукопись, как житие святого Грязного, Ольга Лабзина «смирнейше просит приказать этот труд **опытному лицу** просмотреть, исправить по мысли митрополита, а затем предоставить его напечатать в пользу московского миссионерского общества в память того, что оба старца не были чужды по стремлениям своим и деяниям **к тому идеалу, который поощряет высокую деятельность миссионеров русской церкви**».

Ольга Лабзина была в деловых сношениях с К. П. Победоносцевым, бывшим обер-прокурором святиейшего синода при Александре III и Николае II. Этот К. П. Победоносцев был сознательный душитель трудовой России, — и в этих целях использовал весь мрачный аппарат официальной русской церкви.

В таких же деловых сношениях Ольга Лабзина состояла с ближайшим сотрудником Победоносцева В. К. Саблером, последующим обер-прокурором синода, и с известнейшим монархистом, шарлатаном «отцом» Иоанном Крошштадским.

Танцевальный зал во дворце Лабзиных и Василия Грязнова, превращенный после Октябрьской Революции в Дом Отдыха для трудящихся.

Ольга Лабзина и Василий Никифорович Грязнов (племянник) скрылись после декрета Рабоче-Крестьянского Правительства от 23/IX-1919 г. об обязательной регистрации бывших помещиков, капиталистов и лиц, занимавших ответственные должности в царском строе.

У Семена Лабзина в 1845 г. по сведениям Московского Отделения Мануфактурного Совета, в

Павловском Посаде значилась ткацкая фабрика с 397 крепостными. В 1849 — фабрику эту унаследовал Яков Иванович Лабзин (1827 — 1891). В 1855 г. он, в компании с В. И. Грязновым, основал Т/Д и построил фабрику в Павловском Посаде, для крашения пунцовых бумажных товаров в размере до 50 набивных станков. Оборудование фабрики состояло из 200

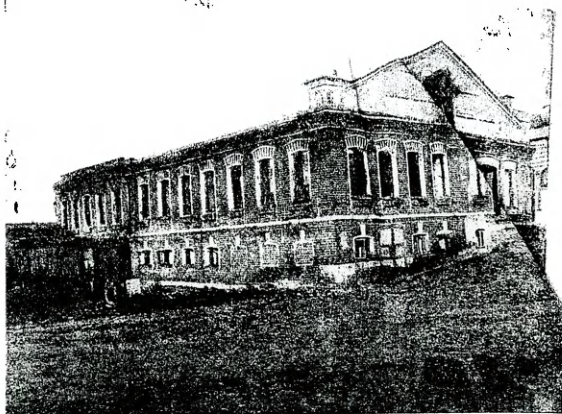
набивных станков, 1 перротина, 5 кубов и т. д. Кроме рабочих на фабрике, свыше 1.500 человек, у них работало на стороне до 1.000 ткачей-кустарей. Фабрика вырабатывала в год платков набивных, бумажных и др. — 600.000 шт., сатина, муслина, де-лень, — 4.000 кусков, ситца и пписа — 100.000 кусков и т. д.

В 1877 г. ручное ткачество увеличилось до 400 станков. В 1871 г. Т/Д. Лабзин и Грязнов приобрели Павлово-Посадскую фабрику б. Гюльт

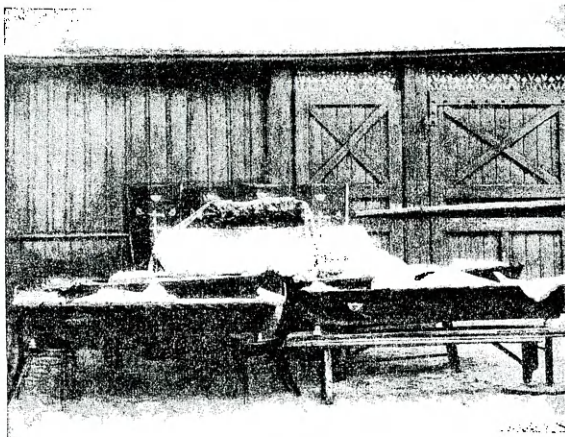
Быковских и фабриканта Гивардовского, поглотив своих конкурентов.

На 1-1-1892 г. один основной капитал Т/Д. Лабзина и Грязнова равнялся 1.500.000 р. В одном самоткацком отделении было 700 станков — строятся огромные вспомогательные мастерские.

К началу империалистической войны 1914 г. ежегодно оборот этого торгового дома доходил до 6.000.000!!!

Дом Совета рабочих и крестьян в Павловском Посаде, сожженный в 1919 году белогвардейскими офицерами, торговцами и помещиками.

Пять трупов Павлово-посадских революционеров, защищавших, в 1918 году в Павловом Посаде власть трудящихся. Эти революционеры были заживо сожжены в Доме Совета во время восстания местной буржуазии.

Эксплуататорский интерес наследственных владельцев от инсценировки культа одного из виднейших устроителей такого доходного торгового предприятия был поддержан всей государственностью русского цезареопизма.

Государственный быт Октябрьской Революции, национализировав очаги эксплуатации труда,—неотвратимо разоблачили все базы и секреты этой эксплуатации.

17 октября 1920 г. выездная сессия Московского Народного Суда установила, что: В. И. Грязнов был всего лишь... «хитрый плут и прожорливый пройдоха».

Народный Суд установил, что из оставшихся в живых:—игуменья Алётина, купчиха Ольга Лабзина, фабрикант Василий Никифорович Грязнов (племянник)—задумали и приступили к осуществлению рошеннической инсценировки культа Грязнова—**именно в целях экономического угнетения** своих рабочих и, в особенности местных крестьян.

Именно, в этих целях, а не по так называемым религиозным убеждениям,—эта компания размножала и распространяла апокрифы о нем, картины, портреты, фотографии с подложным содержанием, иконы; подвергла пальцы от трупа Грязнова, в интересах предохранения от дальнейшего распада высохших тканей, смазыванию эфирными маслами для придания им вида т. н. «мощей», и т. п. Именно купчиха Ольга Лабзина составила в обычном для воинствующего православия духе житие Василия Ивановича Грязнова с **заведомо для нее** ложным извращением обстоятельств жизни этого крупного эксплуататора, халжи и пьяницы, и с **заведомо** для нее ложными ссылками на сверхъестественные явления, так наз. чудеса, якобы, совершавшиеся при жизни и после смерти ее родственника и наследователя Василия Грязнова, в связи с его личностью.

Председателем Народного Суда был рабочий-металлист Андрей Мопин; шесть заседателей—ткачи и ткачих тех фабрик, кои раньше принадлежали засужденному преступному сообществу эксплуататоров.

Народный Суд постановил: объявить фабрикантов Ольгу Лабзину и В. И. Грязнова (племянника) врагами трудового народа. По опознании их в пределах Союза ССР—немедленно задержать и лишить свободы, с применением физических работ,—на 10 лет. В виду преклонного возраста игуменьи Алётины и неопасности уже ее для Рабоче-Крестьянской власти, хотя и паразита в течение всей своей жизни,—не подвергать ее задержанию и передать ее на иждивение Отдела Социального Обеспечения.

Однако то тут, то там воскресают потревоженные тени—«святители» прошлых веков.

«Традиции мертвых поколений кошмаром тяготеют над умами живых»... еще по сегодняшний день...

„АТЕИСТА

ЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

- т. т. I и II. А. Дрекса, пер. с нем. под
икова. (Распр.).
- 3 — А. Дрекса, пер. Н. Румянцева. Одното-
мное автором в 1924 г., последнее издание. 1 р.
- „Сатана и чорте“ — памфлет Э. Даэнсона, пер. с франц.
и примечания И. Шпицберга. (Распр.).
- „Святой отрок Гавриил“ — бейлисиада. (Распр.).
- „Рождество христово“ — Н. Румянцева. (Распр.).
- „Страшный суд, как картина звездного неба“ — Д. Святского.
(Распр.).
- „Философия жизни Иисуса“ — А. Немоевского. (Распр.).
- „Евангельские мифы“ — Джона Робертсона. (Распр.).
- „Первобытный коммунизм и первобытная религия“ — историко-
материалистическом освещении — Г. Эйльдермана, пер. с нем.,
с предисловием автора и проф. В. К. Никольского. (Распр.).
- „Зеркало папизма“ — Отто Корвина. (Распр.).
- „Миф об Иоанне-крестителе“ — Н. Румянцева. (Распр.).
- „Жил ли христос?“ — А. Дрекса, пер. с нем. Н. Румянцева.
Изд. 2-е. (Распр.).
- „Рождественская мифология“ — Н. Румянцева. (Распр.).
- „Религия и здравый смысл“ — П. Гольбаха. (Распр.).
- „Завешание священника Иоанна Мелье“. (Распр.).
- „Пасхальная мифология“ — Н. Румянцева. (Распр.).
- „Жил ли апостол Петр?“ — В. Дрекса, пер. и примечания
Н. Румянцева, с предисловием И. Шпицберга. 75 к. (Распр.).
- „Что мы знаем об Иисусе?“ — Э. Гертлейна, с нем. 40 к.
- „Христианство и франц. революция“ — А. Олара. 75 к.
- „Святой Тихон амафунтский“ — Н. Румянцева. 40 к.
- „Святой Василий Грязнов — защита подмосковных акул тек-
стильной промышленности“ — И. Шпицберга. 30 к.
- „От религии к атеизму“ — библиографический сборник. 1 р.
- „Смерть и воскресение спасителя“ (исследование в области
сравнительной мифологии) — Н. Румянцева. 2 р. 50 к.
- „Дохристианский христос“ — Н. Румянцева. 1 р. (Распр.).
- „Церковь и 1905 год“ — Б. Кандидова. (Распр.).
- „Миф о деде Марии“ — А. Дрекса, пер. с нем. Н. Румянцева. 1 р.
- „Мысли В. И. Ленина о религии“ (Третье, дополненное,
издание). 1 р. 25 к.
- „Занимательная библия“ — Лео Таксиля, т. I; Пятюкнижие;
с 39 сатир. рисунками. Пер. с франц. под ред. Шишакова. Т. II.
Иисус Навин — Соломон; с 23 сатир. рис. В. Триваса. 1 р. 25 к.
Т. III. После Соломона; с 10 сатир. рис. В. Триваса. 1 р. (Распр.).
- „Миф и религия“ (Первобытная мифология в материалисти-
ческом освещении) — Г. Эйльдермана Пер. с нем. 70 к.
- „Светский календарь Вел. Франц. революции“ — И. Воропа-
ева. 30 к. (Распр.).
- „Иисус или Карл Маркс“ — Т. Гартвига, с нем. 30 к. (Распр.).
- „Бог и страшный суд“ — Т. Гартвига, с нем. (Распр.).